

Марина ЛАДЫНИНА:

Я знаю, кто мой ангел-хранитель

Известия.
- 1998. -
- 25 июня.
- с. 6

В маленькой двухкомнатной квартире в большом и известном всей Москве высотном доме на Котельнической набережной живет легенда нашего кино — Марина Алексеевна Ладынина. Вот только три роли «навскидку»: Глаша Новикова в кинофильме «Свинарка и пастух», трактористка Марьяна Бахан — в «Трактористах», зенитчица Варя Панкова — «В шесть часов вечера после войны». Ее героини, ее современницы — мечтательные и наивные, но всегда — с сильным характером, всегда — сохранившие бесконечное обаяние своей женственности. А песни, музыка этих фильмов живут до сих пор.

Я входила в этот дом с трепетом: сейчас увижу ту, которую знаю и люблю с детства. Какая она сейчас? Ведь ей в эти дни исполнилось 90 лет.

Дверь открыла молоденькая племянница Марины Алексеевны. И вдруг из комнаты зазвучал

такой чистый, такой знакомый голос, окликнувший меня. Я увидела ее. Первое впечатление: она совсем не изменилась! Этот особенный взгляд очень светлых, чистых глаз. По-прежнему очень красива. С ней хорошо беседовать. Говорит не торопясь, как бы думая над каждым словом.

В комнате стоит рояль, много книг. Ничего лишнего из мебели: стол, диван, два кресла. Фотографии: Марина Алексеевна с родителями и сестрами. С Иваном Александровичем Пырьевым и сыном. Улыбающаяся, очень хорошенькая девушка Марина с любимым котом на коленях.

Мы говорили очень непринужденно о многом. Кое-что удалось записать. Вот они, рассказы Марины Алексеевны Ладыниной, любимой нашей кинозвезды, ставшей символом эпохи, которая вряд ли уже вернется.

Галина КУЗЬМИНА, «Известия».

На земле сибирской

Мое детство прошло в Сибири. Там я родилась — в селе Назарово Енисейской губернии. Отец тогда находился на действительной службе в Благовещенске, там и женился на моей матери-сибирячке, абсолютно неграмотной женщине, убогище в госпитале. Сам отец был родом из Смоленской губернии. Во время гражданской войны он привез всю нашу семью (у меня было три сестры и брат) к себе на родину. Деревня, в которой мы тогда жили, называлась Скотинино, а фамилия у всех была одна — Коровины. И только две фамилии отличались — Графинские и Ладынины. Потом мы снова уехали в Сибирь — в Назарово, на родину матери, так как на Смоленщине начался страшный голод. Вот так получилось, что у меня две родины.

А вообще-то мы часто переезжали с места на место, так как отец — военный. Жили какое-то время и в Елабуге (мне 7—9 лет). Там я впервые в жизни играла в спектакле. Наша семья была бедная, а рядом — за огромным забором — жили богатые. Мы, дети, любили за ними подглядывать, интересно было — играют в крокет, цветов у них много и т.д. И вот хозяйка этого дома, как-то встретив меня в школе, предложила участвовать в спектакле «Кукольный переполох». Дети играли в нем всяких там букашек-таракашек, а мне, к моей большой радости, дали главную роль — Весны. Хозяйка сшила для меня красивое платье. И это был мой первый спектакль!

В Елабуге мы застали первые дни революции. Помню, как громко били бокалы. Горел спиртзавод. Из окон выбрасывали вещи, даже рояли.

Еще в школе я начала участвовать в самостоятельных спектаклях. Я суфлировала с таким увлечением и так громко, что учитель вынужден был пригрозить: «Если ты будешь за всех играть — выгоню».

В Ачинске был прекрасный театр, построенный на купеческие деньги. (Сибирь была богатейшей землей в то время.) В театре — постоянная труппа. Часто приезжали на гастроли знаменитые актеры. Но иногда привлекали и любителей. И вот однажды меня ввели в пьесу, чтобы подыграть известной тогда провинциальной актрисе Баратовой в спектакле «Иудушка Головлева». Стою на сцене и слышу ее шепот: «Хорошо, девочка, откуда ты взялась?» После спектакля она долго убеждала, что мне нужно непременно учиться настоящему искусству театра.

В Москву!

Я страшно хотела учиться, но как осуществить мечту? Семья большая, денег у родителей не было, да и, по правде сказать, они не очень сочувствовали моей затее.

Очень рано я начала работать. В 15 лет стала сельской учительницей. Сама еще выглядела ученицей. Родители моих ребят послали в район заявление: очень, мол, мала учительница, пришлите другую. Я решила, скопив за зиму на билет, в первый же летний отпуск поехать в Москву. В конце зимы в село прибыла еще одна учительница — Панна Никонова. В первый же вечер выяснилось, что она тоже хочет уехать в Москву — поступать в Педагогическую академию. У нас с ней были две отдельные комнаты при школе, но спали мы в одной. Она была «идейная», как тогда говорили. Уже в наши дни (а мы с ней так и дружили всю жизнь) она как-то сказала: «Когда вспоминаю нашу молодость, вижу нашу комнату в школе. Я лежу на диване, а ты все ругаешь меня за то, что я такая коммунистка».

Мы вместе и приехали в Москву. Я поступила в ГИТИС без чьей-либо помощи и сначала сама не верила, что поступила. Училась настойчиво, много читала. Начали мной интересоваться из МХАТа. Как-то однажды студенты мне сказали: «Ладынина, тебя пришли нанять из МХАТа». Мы подошли к директорской, и, помню, студенты меня туда втолкнули. И директор, к моему удивлению, мне сказал: «Вот пришли из Художественного театра, тебе будут платить именную стипендию. Когда закончишь, будешь там работать». МХАТ ежегодно вносил в дирекцию ГИТИСа деньги на мою стипендию. И я стала получать вместо 25 рублей 75, а потом, закончив ГИТИС, была принята в Художественный театр.

Художественный театр

В театре меня очень любили. Я жила тогда в общежитии ГИТИСа.

В гости к нам приходили многие артисты и режиссеры: Судаков, Яншин, Грибов, Борис Ливанов, Лужский, который в то время хотел меня снимать в «Цыганах», и когда его спросили, что же в Ладыниной цыганского, он ответил: «В глазах у нее есть что-то свободное». Моими ближайшими друзьями были Зельдин, Давыдов, Самойлов, Бортников, режиссер Швейцер. Очень внимателен был ко мне Юрий Олеся. Моим другом был Черкасов, доброты необыкновенной человек! Очень дружны мы были с Бернесом. С Раневской жили в одном доме, я часто у нее бывала, она любила, когда я читала ей стихи. Еще мы любили вместе готовить что-нибудь вкусное... Великие это были артисты. Авторитет в обществе у них был очень высок...

Станиславский

В Художественном театре первая моя роль — в пьесе Горького «26 и одна», я играла Таню. Станиславский репетировал тогда в Леонтьевском переулке, дом 6. Вдруг мне говорят, что Константин Сергеевич вызывает меня. Три дня я думала, как себя вести, что надеть. В шесть вечера пришла в Леонтьевский. Секретарь вышла ко мне и говорит: «Извините, задерживаем вас. У нас пробки перегорели, сейчас их починят». А мне хотелось, чтобы их никогда не починили — так я боялась этой встречи... Константин Сергеевич сидел на небольшом диванчике за овальным столиком. Он задержал мою руку, когда мы здоровались, и сказал: «Теплая рука, еще, значит, не умерла от страха. Меня все боятся, а я очень добрый человек». Он что-то еще говорил, и вдруг я почувствовала, что громко смеюсь, страх мой совсем прошел. «Вот сейчас я начинаю с вами знакомиться», — сказал он. — Вы ходите по комнате, пока я не скажу «довольно». Это оказалось не так просто. Я хожу, хожу и наконец слышу: «Довольно, садитесь! Недостатки свои знаете? При вашем росте и фигуре у вас чересчур длинные руки», — сказал Константин Сергеевич. С тех пор я поняла, почему мне было некуда девать руки на сцене. Он спросил: «Что вы делаете в театре?» Ответила, что я — трагистка, играю мальчиков и девочек. «Странно», — сказал Станиславский. — Вы женщина и должны играть взрослые женские роли». Вдруг спросил: помню ли я, как в «Вишневом саде» Аня уговаривает, успокаивает маму? «Если вы хотите успокоить человека, что вы должны сделать? Вы должны плакать вместе с ним, и тогда он вам поверит и прижмет вас к своему сердцу».

Вот в этом и вся «система Станиславского». Ничего нет в ней особенного, никакой учености... Видно, он запомнил меня, потому что, когда ставили «Синюю птицу» и хотели пригласить актрису из другого театра на роль Тиль-Тили (исполнительница этой роли заболела), он сказал: «С каких это пор начали приглашать актеров из других театров? Я вот познакомился с Ладыниной, и пусть она играет».

Немирович-Данченко

А Владимир Иванович Немирович-Данченко ставил в то время «Егора Булычова». Я там играла небольшую роль Игуменьи. На роль были назначены две актрисы — я и Пилевская, репетировали по очереди. И вдруг однажды в конце репетиции Владимир Иванович сказал: «Все свободны, Ладынина — останьтесь!». И когда все вышли, он говорит: «Я перед вами виноват. Я еще ни разу не работал с вами, ничем не помог. А сегодня я вами займусь». И мы с ним прошли мою роль. Сказал мне, чтобы весь текст я сделала на «о», как говорят в Нижнем Новгороде. Потом попросил снять туфли (о ужас, а вдруг порвались единственные чулки?), походить по сцене. В результате у меня появилась другая походка, получился характер. Премьеру играла я!

Пырьев

Мой дебют в кино состоялся в 1931 году. Режиссер Желябужский пригласил меня сыграть эпизодическую роль слепой девушки в фильме «Просперити». Как помню, фильм шел в кинотеатре недалеко от консерватории. И наш ГИТИС тоже был рядом. И вот у кинотеатра висел огромный плакат, а на плакате во весь рост нарисована я. Смешно вспомнить, как я к этому плакату все пристраивалась в надежде на то, что меня узнают. Но никто не узнавал.

Как я познакомилась с И.Пырьевым? Это было в 1936 году. Слу-

чайно в Доме кино на просмотре кинофильма «Строгий юноша» (по сценарию Ю.Олеси), где я играла вместе с Ковалем-Самборским. Когда выходили из Дома кино, к жене Ковалева-Самборского подошел какой-то мужчина, как потом оказалось — Пырьев. Он взял под руку ее и меня и пошел провожать нас на автобусную остановку. Подошел наш автобус — нам нужно было на Воздвиженку, а Пырьеву — в Замоскворечье. Автобус тронулся и остановился. Иван Александрович подошел и сказал, улыбаясь: «Видно, мне судьба с вами ехать», но в автобус не сел. Автобус двинулся и снова стал. И тут Иван Александрович впрыгнул в автобус, после чего он больше уже не останавливался. Вот и не верь после этого в судьбу! Потом Иван Александрович провожал меня до общежития...

С Пырьевым связана почти вся моя жизнь в кино. В его картинах я играла главные роли. Многие из своих знаменитых комедий он снимал в военные годы. Обстоятельства тех съемок были суровы: студия не отапливалась, снимали под холодным дождем. На съемках «Свинарки и пастуха» порой ночами приходилось сидеть в бомбоубежище, у всех были причины для слез. Но Иван Александрович говорил: «Не плакать, черт вас побери! Вы — солдаты, это ваш фронт, и вы должны играть так, чтобы не было заметно ни ваших слез, ни вашего плохого настроения».

Все мелочи имели для него значение, и, может, поэтому сложилась легенда, что с Пырьевым очень трудно работать... Но это шло от чувства вечной неудовлетворенности художника. Он и себя трагил без пощады. Мне, впрочем, не раз приходилось заступаться перед ним за актеров, они меня называли «защитницей».

Сейчас, когда прошло время и все можно осознать на расстоянии, я понимаю, что многое в работе с Пырьевым не совпадало с моим творческим «я» — моим вкусом, моим характером, моим представлением о жизни. Но было в этом могучем человеке и художнике нечто такое, что заставляло доверять ему. Можно было страдать на съемках из-за его жесткости, из-за того, что он исключал всякую актерскую инициативу, но по опыту уже было известно: никогда не следует сомневаться в том, что в результате он окажется прав.

О фильмах Пырьева нередко говорят, что это была «лакировка действительности». Сам он называл это иначе. В книге «О пройденном и пережитом» он так написал: «Неплохо зная жизнь простых людей, их труд, их радость и невзгоды, я сознательно стремился опозитизировать их в своих картинах. Стремился передать поэзию, лирику и пафос того нового, что нарождалось в нашей жизни... Это, видимо, и есть романтизация жизни в искусстве».

Но свое мнение я всегда имела и отстаивала его. Когда у нас собирались гости, Пырьев про меня говорил: «Ну вот, она сейчас скажет правду». Я хотела оставаться такой, какая есть.

...Иногда смотрю по телевизору фильмы, в которых когда-то снималась. Недавно опять показывали «Трактористов». Хорошая картина. Там я играю самое себя.

О сегодняшней жизни ничего не могу сказать, потому что — искренне говорю — ничего не понимаю, что в ней происходит. Русские всегда славилась тем, как они общаются, как относятся друг к другу, как помогают. А сейчас, мне кажется, люди очень изменились...

О премиях, призах и наградах тоже говорить не люблю. Награды, я считаю, не для актера. Роль — вот единственная награда. Своим орденом я никогда не носила, надевала только на официальные приемы, когда требовали приглашения... В партии никогда не состояла. Из всех партий признаю только партию человечности.

Жаль, что снималась я в основном только у Пырьева, причем, как я в шутку говорю, только в «сельскохозяйственных фильмах», где вокруг меня все время свиньи, куры, тракторы... А мечтала всегда о классическом репертуаре — Дездемона, Марио Стюарт, Нине из «Маскарада». Но зрители моих героинь полюбили. Я доставила им, судя по многочисленным письмам, немало радости. И до сих пор получаю от них письма. Недавно пришло из Марийской республики. Одна женщина пишет, что у меня очень добрый ангел-хранитель, оттого и живу так долго на радость зрителям. А я считаю, что зритель и есть мой ангел-хранитель.